

НОВРУЗ НАДЖАФОГЛУ

ВЫСТРЕЛ С БЕЛОЙ СКАЛЫ

Киноповесть

Перевод Наргиз ДЖАФАРОВОЙ

ПРОЛОГ

... Над селом вздымались клубы черного дыма, то и дело стрекотали автоматы, отрывисто ухали пушки, разрывались снаряды. Солдаты торопили растерявшихся и словно оторопевших от происходящего, сельчан, требуя поскорее погрузить вещи в грузовик. Рахман невозмутимо всматривался вдаль, будто не замечая суеты вокруг.

– Чего медлите, погружайтесь уже в машину, черт возьми! – гневно выкрикнул солдат, теребя папиросу. – Трогаемся... Быстрее, берите детей и в машину! Никак в плен к армянам захотелось?!

...Рахман востропел, оторвавшись от тягостных размышлений. И только сейчас до него отчетливо донесся лязг гусениц.

– Сенем, Сенем! Ну где ты запропастилась?! Сенем, черт тебя дери! Не мешкай, спускай детей – Амраха, Санубар, Шагназ! Говорят, армяне село будут брать!

Рахман попрекал жену так, будто несчастная Сенем была повинна во всех бедах и несчастьях, обрушившихся на их головы.

Сенем выскочила на крыльцо и замерла, растерянно озираясь вокруг.

– Рахман... – наконец отозвалась она. – Мы уже идем, вот только запрю окна и двери!

Сенем юркнула в дом, позвякивая увесистой связкой ключей.

Рахман гневно глядел на жену, браня ее за нерасторопность, но вдруг усмешка застыла на губах его.

– Зачем ты запираешь двери, скажи на милость, разве мы в гости собираемся?! Или, может, армяне постучатся в дом и, не застав никого, уйдут восвояси?!

Сенем хлопала дверьми, усердно запирая их одну за другой, занавешивала окна.

– Где это видано – уходить, оставляя дом нараспашку? Скажешь тоже! Зачем тогда мы строили его, собирали по крупице! Столько сил, столько труда – зачем, во имя чего?! Чтобы всё досталось каким-нибудь проходимцам?!

Сенем всплакнула, но тут же взяла себя в руки.

Грузовик тронулся. Рахман, Сенем и их дети еле успели запрыгнуть в кузов.

– Наддай, браток, – подгоняли солдаты водителя. – Езжай наперерез, прямоком в ущелье. Не мешкай, а то окажетесь в плену.

* * *

... Стоны, крики, рыдания и ругань слились в оглушительную какофонию. Там и сям стрекотали автоматы. Солдаты, преградившие путь врагу, беспокойно озирались, глядя вослед мчавшемуся по дороге грузовику. Покачиваясь, несся он по ухабистым дорогам. Наконец удалось вздохнуть свободно. Мирные жители вырвались из лап смерти... Едва машина спустилась в ущелье, село охватило огнем, и оставленные жителями дома запылали как щепки...

* * *

Армянские головорезы вели трех раненых пленников, один из которых, судя по висевшей на плече санитарной сумке, был врачом. Все трое солдат истекали кровью, но шли, не издавая ни звука. Армяне то и дело тыкали дулом автоматов им в спины, били прикладами, требуя ускорить шаг. Пленники еле волочили ноги от боли, но, стиснув зубы, молчали, и их стойкость раздражала армян, тешивших себя надеждой, что они взмолятся о пощаде. Раненых заволокли в холодное, темное, отдававшее сыростью помещение, единственное окно в котором было разбито. Холод пробирал до самых костей. Леденящую тишину нарушали лишь мерные шаги часового, бурчавшего себе под нос ругательства. Он был явно зол на кого-то и недовольно ворчал. Но причиной его гнева были вовсе не пленные, иначе уж наверняка словами бы дело не ограничилось... Среди раненых один только врач понимал его речь. Часовой ругал на чем свет стоит того, кто приказал ему стеречь пленников. «Ну что за сукин сын, что за негодяй такой! Как нарочно, вытащил меня, больного, в такой мороз. А ведь знал, подлец, что меня колотит от озноба. Бессердечная скотина, ну прямо как турки...», – негодовал часовой.

Он затих на время, но вскоре вновь застонал. Под осуждающими и косыми взглядами товарищей пленный врач принялся шарить в сумке в поисках лекарства. Стоны и причитания часового усиливались. И тут, словно извиняясь перед остальными, врач окликнул часового...

... Наутро пленников вывели наружу и выстроили в шеренгу у стенки. Грянули выстрелы, и первым щелкнул затвор автомата того самого часового...

* * *

... Минули годы. Рахман томился в разлуке по отчому краю, поневоле став беженцем на родной земле. Теперь он жил вдали от грохота снарядов и канонад, в тихом, уютном местечке у подножья гор на самом берегу Каспия. Но и здесь, за много верст от огневых рубежей, не утихала молва о кознях и гнусных происках армян. Об одной из таких довелось услышать Рахману. Говорили, что некогда армяне, колесившие по миру без кола и двора, обосновались на этой благодатной земле, воспользовавшись гостеприимством и сердобольностью местных жителей. Разбили поселения и жили, как у Христа за пазухой. Одно из таких сел некогда располагалось на склоне гор в окрестностях нынешнего пристанища Рахмана. Все бы ничего, но злоба и ненависть, неблагодарность и извечное желание армян отхватить чужое, отчего были они гонимы отовсюду, вновь взяли верх. Сколотили они отряды, примкнули к рядам армянских разбойничьих шаек и принялись истреблять азербайджанцев – коренных жителей этих мест, некогда по доброте душевной пригревших их на своей земле. В одном из таких отрядов, орудовавших под предводительством головореза Амазаспа и совершивших резню азербайджанцев в начале прошлого века, особой жестокостью отличался выходец из того самого села... Однажды коварный и хитрый армянский поп, наслышавшись о беспощадности их односельчанина, созвал совет. «Рано или поздно турки придут поквитаться, как нам быть тогда?» – вопрошал он в страхе. На совете армяне решили вывезти из села семью того головореза, дабы избежать неприятностей. А затем, водрузив белый флаг, направились на поклон к уважаемому в округе духовнику соседнего азербайджанского села. Потолковав о деле, они убедили духовного деятеля во избежание кровопролития воззвать к азербайджанцам, заверив их в том, что здешние армяне раскаиваются в случившемся и клятвенно обещают обратиться в мусульманство. Но спустя некоторое время, когда, что называется, волки и овцы вновь паслись на одной лужайке без опаски, армяне вероломно переступили через свою клятву, и никто не напомнил им о ней...

* * *

В тех самых краях вынужденно обосновался Рахман с семьей. Он построил добротный дом, где уже подросшие Амрах, Санубар и Шахназ помогали матери по хозяйству. Два малыша, очевидно, возомнив себя взрослыми, тоже пытались взяться за дело, растрогав мать своим усердием. Шахин и Наргиз едва научились ходить и тянули маленькие ручонки к матери. Она нежно обнимала их и целовала, счастьем светилось лицо ее... Ничто не предвещало беды...

* * *

В предсмертной агонии Сенем дрожащей рукой достала из-под матраса увесистую связку ключей от их дома в родном краю и, хрипя, передала их Рахману. «Держи эти ключи, вот вернетесь домой...» Так, на полуслове, и оборвалась ее жизнь...

Шахин вырос, возмужал, настал его черед отдать долг Родине. Провожая сына в армию, Рахман передал ему ключи и наказал: «Сынок, храни эти ключи. Они от нашего дома в Карабахе. Будешь в тех краях, непременно отыщи наш дом и отвори двери». Тут его голос дрогнул, но, не подавая виду, он пару раз кашлянул. Отец с сыном крепко обнялись на прощание. «Мать-Отчизна нас вырастила, провожая в этот путь...», – дружно пели призывники. Смахнув украдкой слезу, Рахман простился с сыном.

* * *

Стоял погожий весенний вечер. Лучи заходящего солнца озарили веранду дома в небольшом провинциальном городке. Подросток то и дело выскакивал на веранду, беспокойно глядел на дорогу и спешно заходил в дом, будто ожидал там застать человека, которого он так нетерпеливо ждал. Едва заслышав мимолетный шорох снаружи, он вновь показывался на веранде и, разочарованный, возвращался домой. Сестры украдкой бросали на него беспокойные взгляды, но молчали, не подавая виду. На лице парня и его сестер – постарше и помладше него – застыла тревога. Они явно кого-то ждали...

...Спустя некоторое время на проселочной дороге показался странник. Мужчина, давно разменявший шестой десяток лет, грузно шел вверх по улице к своему дому. То был Рахман. Тяжелая поступь и облик его выдавали усталость с дороги. Порой он останавливался, чтобы перевести дух, и, постояв с минуту, опершись на посох, продолжал свой путь. Дойдя до знакомого переулочка, он толкнул калитку и вошел во двор своего дома. Никто не встретил его, что было довольно странно, поэтому он обернулся и, убедившись, что не ошибся, осторожно прикрыл за собой калитку и направился к дому. Заслышав шаги отца, Амрах стремглав бросился к нему.

– Добро пожаловать домой! Я так рад видеть тебя! Ну, как добрался, видел ли Шахина? Как там мой брат? – не унимался Амрах и, увидев блаженную улыбку на лице отца, облегченно вздохнул. – Отец, расскажи о Шахине! Каким ты застал его? Он тоскует, да? – и, не дожидаясь ответа, добавил: – Да чего там осталось-то, не успеет оглянуться, год уж пролетит. Следующей весной, дай Бог, свидимся.

Заслышав голоса во дворе, Санубар, которая приходилась Амраhu младшей сестрой, выскочила на крыльцо.

– Как там мой братец? У него все в порядке? – юркнув в дом, она окликнула сестру: – Шахназ, Шахназ, отец вернулся! ...Отец, мы так беспокоились. Тебя все нет и нет... – сказала она, подойдя к Рахману.

Шахназ тоже радостно бросилась к отцу. Эта ангельской красоты кроткая девушка так спешила, что и не заметила, как расплелись ее косы, будто две змеи опоясывавшие ее стан и доходившие аж до самых пят. Рахман обнял своих девочек, прижал их к груди.

– Как хорошо, что ты подрос, отец, слава Богу! – радостно воскликнула Шахназ, и румянец тут же выступил на ее мраморном лице.

– Отец, мы так волновались за тебя, все думали, успеешь ли... Как бы я показался перед родней жениха один-одинешенек? Хорошо, что ты подрос, – сказал Амрах и вздохнул с облегчением.

Девочки беспокойно глядели на отца. Они переживали за него и очень соскучились. Рахман что-то буркнул себе под нос, а потом громко произнес:

– Ваш брат в порядке, у него все хорошо, не стоит беспокоиться, мои красавицы. Он слал приветы вам и Амраку. Ступайте в дом, приготовьте воды, я помоюсь с дороги, а то весь в пыли. И устал к тому же...

Он провел рукой по волосам младшей дочери и отошел в сторонку.

– Сейчас все сделаем, отец, – бойко сказала Санубар и побежала в дом. Шахназ поспешила за ней. Амрах семенил за отцом, выпрашивая о брате:

– Отец, расскажи, каким ты застал Шахина? Как там его служба?

– Ну я же сказал, что всё, слава Богу, хорошо, он уже освоился, обзавелся друзьями. Все солдаты, да и командиры очень приветливы, – ответил Рахман.

Беседуя, отец с сыном прошли в дом. Рахман разулся в коридоре, повесил папаху на вешалку.

– Отец, чай подать сейчас или после того, как ты сполоснешься? – поинтересовалась старшая дочь Шахназ, выглядывая из кухни.

– Доченька, я сперва искупаюсь, а потом отведаю чайку и еды...

– Вода готова? Отец решил сперва искупаться... – спросила, метнувшись на кухню, Шахназ у младшей сестры Санубар, занимавшейся приготовлением чая. Не дожидаясь ответа сестры, она тронула рукой ведро на печи и тут же отдернула руку.

– Может, надо чего-то докупить, я пошлю Амраха, – сказал Рахман, стоя в дверях кухни.

– Нет, отец, ничего не нужно, – робко вымолвила Санубар, отводя взгляд от отца. – Нужна была только хна, и её привезли из Баку.

– Хо-ро-шо, – словно сбросив тяжелый груз с плеч, произнес Рахман.

Едва отец отошел, раскрасневшаяся Санубар сказала сестре:

– Я знала, я верила, что отец подоспеет. И не ошиблась. Он всегда пунктуален, точно выверит и отмерит...

Шахназ окинула сестру беспокойным взглядом.

– Санубар, ну когда уже ты научишься приличиям, следи за языком. Сколько мне краснеть за тебя перед отцом?! стыдно, ей-богу! – посетовала старшая сестра.

Санубар кокетливо передернула плечами. Ничего не возразив, она схватила ведро с кипящей водой и победоносно вышла из кухни, последовав за отцом.

...На улице громыхала музыка. Видимо, в новом центральном парке давали концерт или, может, соседский лихач Мовлуд, не расстававшийся со своим магнитофоном даже во сне, решил устроить всем вечернюю встряску.

Амрах носился туда-сюда. Он бежал с ведрами к колодцу, спешно наполнял их и стремглав неся к дому...

* * *

Рахман выкупался и теперь, глядя на себя в зеркало, гладил поредевшую бороду и зачесывал назад порядком поседевшие волосы. Он казался очень задумчивым и отчего-то печальным.

– Отец, ты совсем зарос, надо привести себя в порядок, завтра такой день... – тихо произнес Амрах, встав плечом к плечу с отцом.

Рахман даже бровью не повел. Старательно причесываясь, он словно вел счет еще не засеребренным волосам.

– Стар я стал... Да чего уж там... По пути заглянул к Юнису, думал, постригусь, а он, как нарочно, опять смылся в Баку. Какого черта он зачастил туда, что потерял там, ума не приложу.

– Отец, разве в нашем поселке перевелись парикмахеры? Дался тебе этот Юнис...

– Ну, не знаю... Я как-то привык стричься у него. Еще задолго до этой скитальческой жизни, с самой молодости я стригся у него, а когда его не оказывалось на месте или он был шибко занят, ждал, пока освободится...

– Отец, сейчас не время ждать, – решительно заявил Абрах. – Завтра мы сестру замуж выдаем. Надо привести себя в порядок. Ты передохни немного, а потом я поведу тебя к знакомому мастеру.

Рахман задумчиво глядел на сына в зеркале.

– Скажи девочкам, пусть накрывают на стол, – вымолвил он, улыбнувшись.

Абрах поспешил на кухню, а Рахман направился в гостиную. У порога он огляделся, и взгляд его приковала к себе висевшая на стене фотография в рамке, откуда, счастливые, смотрели они с Сенем.

– Сенем, наша доченька Шахназ завтра выходит замуж. Жаль, ты не поделишь со мной эту радость, – прошептал Рахман, глубоко вздохнув. – Бог ей в помощь, – задумчиво добавил он, мотнув головой, словно отбрасывая прочь накатившие воспоминания молодости. – Наш сын служит Родине. Ты вырастила отважного игида. Все восторгаются его храбростью и удачью. Можешь спать спокойно, Сенем... – тихо произнес Рахман, глядя на фотографию.

Он подошел к столу, нажал кнопку на пульте, и экран телевизора тут же вспыхнул. Рахман смотрел вскользь, быстро переключая каналы. Абрах молча уселся на диване, переводя взгляд с отца на телевизор. Девочки быстро накрыли на стол и, перекинувшись взглядами, присели в сторонке. По телевизору передавали рекламу, но Рахман, очевидно, задумавшись о своем, не отрывал взгляда от экрана.

– Пей чай, остынет, – сказал Абрах, желая отвлечь отца.

– Вы уже накрыли на стол? А я и не заметил...

Рахман одобрительно взглянул на дочек, очевидно, подивившись их расторопности, и отпил глоток чая.

– Пусть чуток остынет...

– Отец, ну, рассказывай, как съездил, что повидал? – настойчиво вопрошал Абрах.

Рахман сидел, опустив голову и обхватив рукой граненый стакан с чаем. Накануне свадьбы дочери он решил навестить сына на передовой и очень устал в дороге. Словно готовясь к долгому повествованию, отхлебнул чая и, взглянув на детей, неспешно начал свой рассказ.

– До села Мешели я добрался довольно легко. На последней остановке со мной сошел один человек примерно моего возраста. Оттуда нам предстояло пройти пару километров вверх до заставы. Пришлось идти пешком... – Рахман отпил чай, словно подавляя накатившую на него усталость. – Машины туда не ездят. Наши солдаты и командиры пробираются по этой тропинке пешком под градом вражеских пуль... С высоты, прозванной «Белой глыбой», армяне то и дело обстреливают наши позиции. – Ощувив волнение дочерей, Рахман улыбнулся и спокойно продолжил: – Я сошел с автобуса и снаряжился в горы... – Рахман затих, устремив взгляд куда-то вдаль, а перед глазами вновь возникла та уходящая под самые небеса заснеженная горная тропа. Он глотнул чаю и, поперхнувшись, закашлялся. – У своего попутчика я выяснил, что воинская часть Шахина находится неподалеку. – Тут голос Рахмана дрогнул. – Я уже почти добрался до части Шахина, как вдруг мне открылось поразительное зрелище. Я смотрел как замороженный, не находя сил отвести взгляд.

Чувства вновь захлестнули Рахмана.

– Взобравшись на холм, я созерцал божественную красоту вокруг. Журча и резвясь, река Инджени спадала с могучей вершины Муровдага, омывала Гюлистан и, извиваясь змейкой, несла свои воды по крутым горным кряжам и ущельям, пробегая под валунами.

Рахман поднял голову и взглянул на детей, ловивших каждое его слово.

– На юге природа цвела и благоухала, а на севере земля казалась иссохшей и блеклой, пожухла трава и все вокруг будто вымерло. Разобидевшись на родных людей, оставивших ее под пятой чужака, земля не желала плодоносить. И даже звери в отместку покинули эти места.

Слезами наполнились глаза Рахмана. Он отвернулся, чтобы дети не заметили его состояния, и, взяв себя в руки, продолжил:

– Да, дети мои, видать, и природа, как человек, не может без ухода и ласки. Она оживает и цветет под заботливой рукой человека. На родной земле, с течением лет ставшей бесхозной пустошью, заросла тропа, и замело следы. Я глядел на это печальное зрелище, и оно захватило меня так, словно шел я издалека. Вдруг почудилось мне конское ржанье, померещился мой резвый конь, несущийся, как в былые времена, по горным склонам...

Рахман печально опустил голову, вспомнив удалого скакуна своего, покинутого на Богом забытой земле, оказавшейся под пятой у врага. И взгрустнулось Рахману, защемило сердце его. Затосковал он по своему верному другу, как грустил в разлуке по дому и детям, оставленным на его попечении после безвременной кончины его жены Сенем, не перенесшей горя утраты их младшей дочери Наргиз. И тут подумалось Рахману, что во всем есть божий промысел и, возможно, Сенем унеслась к своему маленькому ангелочку вовсе неслучайно. При воспоминании об отчем крае, ежевночно грезившемся ему в снах, верном скакуне, который в суете был оставлен привязанным в конюшне, охватило Рахмана уныние. Но вдруг ёкнуло, встрепенулось сердце его, и послышались где-то вдали призывный топот копыт да ржанье томившегося в разлуке коня. Вспомнились строки из заученного в детстве знаменитого стихотворения «Азербайджан»:

*В Газахе сядь на скакуна,
Упрись покрепче в стремяна,
И покорится крутизна,
И там с горы Кяпаз – изволь –
Любуйся озером Гейгель!*

Не живи в его сердце тоска по родным краям и не будь на его плечах заботы о детях, кто знает, в какие дали унеслась бы душа Рахмана на крылах воспоминаний...

– Да-а... Вдруг за спиной послышался странный треск и шорох. Обернувшись, я увидел сидевшего в кустах, точно в засаде, лесничего. Он тихо окликнул меня, но, поняв, что я не расслышал его слов, принялся размахивать руками, подавая знаки. Тут до меня дошло, что он пытается сказать: «Ложись и выбирайся оттуда ползком». Для прочей убедительности он указал на белоснежный склон напротив и изобразил на пальцах пистолет. Тут наконец до меня дошел смысл его жестикуляций...

Разбередив память, Рахман пересказывал волнительные мгновения, когда он был на волосок от смерти, слегка осипшим голосом, но всячески заглушая охватившее его волнение и, словно подбадривая себя, улыбнулся.

– Оказывается, все это время я стоял напротив вражеских позиций на расстоянии выстрела... По правде говоря, страха я не испытывал. И не хотел, чтобы лесничий, засевший в кустах и подававший мне знаки, желая спасти от вражеской пули, подумал, будто я трусил. Однако стоять в полный рост, рискуя схлопотать пулю в лоб, было попросту глупо, поэтому я, чуть пригнувшись, добрался до лесничего.

Призадумавшись немного, Рахман невольно усмехнулся, как будто представил лицо лесничего с вытаращенными на него обезумевшими от удивления глазами. Но спустя минуту продолжил свое повествование.

– Да-а-а, дети мои... Несчастный лесничий отер вспотевшее от волнения лицо платком и принялся упрекать меня за беспечность. «Кто ты, как очутился здесь? Что за глупое бахвальство?! Ты вообще понимаешь, что был мишенью для врага?! Тебе что, жить надоело?» – возмущался он.

И, не дожидаясь ответа, вскинул голову и ткнул пальцем в сторону Седой скалы, возвышавшейся посреди густого леса.

– Взгляни, враг выставил пост на склоне Седой скалы. Оттуда всё видно, как на ладони, – шептал он. – Её-богу, ты родился в рубашке. Бог внял молитвам твоей матери, а не то схлопотал бы ты пулю в лоб. Или, может, на твое счастье армянский снайпер задремал на минуту. Разве упустил бы он «добычу», которая сама шла к нему в руки?!

... Рахман вспомнил изумление лесничего, брови которого поползли от удивления вверх при виде смущения и конфуза человека, чудом оставшегося в живых. Вместо признательности на лице Рахмана читалось непонятное негодование на самого себя, словно он намеренно играл в рулетку со смертью. Удивление лесничего было очевидным и вполне объяснимым. Но у Рахмана были свои счета с жизнью. Он, человек преклонных лет, хотел бы получить пулю в лоб, лишь бы она не досталась юным призывникам, едва начавшим жизнь, среди которых был и его сын Шахин. «Я свое уже пожил», – мелькало в голове Рахмана в момент его непостижимой для лесничего бравады.

Дети, внимательно слушавшие повествование отца, вернувшегося живым-невредимым после встречи со смертью, мысленно вознесли хвалу Всевышнему и вздохнули с облегчением. Дочки, не находившие себе места от волнения, спроворили чай и подали отцу.

– Мы побеседовали с лесничим. Я рассказал ему о себе и о том, как и почему очутился в здешних местах. Дай Бог ему здоровья, душевным человеком оказался – проводил меня до батальона, взвалив на плечо мою увесистую поклажу. Видать, не перевелись еще хорошие люди...

Рахман медленно поднял взгляд и, глядя в глаза Амраху, произнес в порыве души: «Но все-таки лучше бы я отдал там Богу душу...» Охватившее его чувство было следствием смутной тревоги и какого-то неведомого потрясения. Желая развеять печаль отца, Шагназ подскочила к нему и, обвив руками его шею, заботливо произнесла: «Кому-то не мешало бы подстричься...» Тут она осеклась и смущенно замолкла. Смысл ее слов был очевиден.

– Доченька, ты права, я и вправду выгляжу неподобающе, но ничего, вот пойду к парикмахеру, он мигом приведет меня в божеский вид. Не беспокойся!

– Видишь, отец, не я один так считаю. Давай-ка я быстренько переоденусь, и пока ты не передумал, пойдем подстрижемся.

Шагназ густо покраснела.

– Отец, допей чай, пойдешь, успеется, – сказала она, удаляясь в соседнюю комнату.

* * *

– Рахман! Рахман, ты дома? – донеслось со двора.

Амрах подскочил с места. Лицо Рахмана озарилось радостью.

– Неужто у Агаяра совесть проснулась, и он решил вернуть долг, взятый четыре года назад?

– Нам эти деньги пришились бы кстати. Как раз расплатимся за приданое сестры...

Рахман одобрительно кивнул.

– Сынок, пойдй встретить Агаяра, пригласи его в дом.

Амрах выскочил на крыльцо. Шахназ унесла пустые стаканы на кухню. Рахман выключил телевизор. Все стихли в ожидании гостя. Амрах и Агаяр неспешно вошли.

– Добрый вечер, Рахман, – произнес Агаяр, пришедшийся хозяину дома дальним родственником.

– Добрый вечер, Агаяр, рад тебя видеть, заходи, – ответил Рахман, приветливо протянув гостю руку и приглашая присесть. – Девочки, не мешкайте, накрывайте на стол, – добавил Рахман, бросив взгляд на соседнюю комнату.

Агаяр заерзал на стуле.

– Не утруждайте себя, ей-богу. Я ненадолго. Слышал, у вас свадьба на носу. Счастья молодым, совет, как говорится, да любовь. Поздравляю! – запинаясь, проговорил он.

Шахназ и Санубар шептались на кухне, делая приготовления к столу.

– Кажется, дядя Агаяр пришел вернуть долг. Как же он вовремя! Четыре года назад отец выручил его в трудную минуту, а теперь он, видимо, услышав о предстоящем торжестве, пришел вернуть деньги. Знает, что они сейчас нам очень пригодятся.

* * *

... Четыре года назад Агаяр постучался к родственнику, попросив о помощи.

– Рахман, родной, выручай! Мне больше не к кому обратиться! – с порога взмолился он.

– Что стряслось, Агаяр? Чем я могу помочь тебе?

– Есть одно выгодное дельце, и я решил быть на паях. Но все упирается в деньги... – по привычке запинаясь и мямля, пролепетал Агаяр. – Ты даже не представляешь, какое это прибыльное дело... – тут он затих, робко глядя на родственника и, помолчав с минуту, взмолился: – Мне позарез нужны десять тысяч...

– Дай Бог тебе удачи, дорогой, но где я возьму столько? – задумчиво произнес Рахман. – Ты ведь знаешь, как долго я лечил крошку Наргиз в Баку. Мы только вышли из больницы. Через три месяца нам опять ложиться на обследование. Поэтому...

Не дав ему закончить фразу, Агаяр, едва не плача, пролепетал:

– Рахман, ты – моя последняя надежда. Помоги, пожалуйста, мне больше не у кого просить! Умоляю тебя, не откажи...

– Возьми себя в руки! Дай подумать, чем я могу помочь...

В глазах Агаяра мелькнула надежда.

– У меня есть кое-какие сбережения. Я выгодно продал пшеницу и овес. Но эти деньги я приберег на лечение Наргиз. Так что будь добр верни их мне через три месяца...

– Да я за месяц верну! Поверь мне! Не носить мне папахи, если не верну...

– Не говори так... Конечно, вернешь... – растерянно произнес Рахман. – Ты погоди, я только посоветуюсь с Сенем. Может, будут какие-то непредвиденные расходы, мало ли...

Агаяр хлопнул себя по коленке и заверещал:

– Что я слышу – мой родственник Рахман спрашивает дозволения у жены, чтобы взять деньги! Куда катится этот мир! Вай-вай-вай!

Эти слова задели за живое Рахмана и он, несмотря на возражения жены, отдал три тысячи манатов в долг Агаяру при условии, что тот вернёт эти деньги не позднее, чем через три месяца. С тех пор прошло четыре года. Недуг сломил крошку Наргиз, и она, подобно маленькому ангелу, упорхнула из этого брэнного мира. А бесцеремонный родственник все не спешил возвращать долг.

Агаяр уже готовился изложить причину своего неожиданного визита, но тут в комнату с подносами в руках вошли Шахназ и Санубар. Агаяр затих, ожидая, пока девушки накроют на стол. Как только они вышли из комнаты, он продолжил:

– Отчего же ты не спрашиваешь, зачем я побеспокоил тебя, почему постучал в твои двери?

Рахман закусил губу. «Видно, интуиция подвела меня. Что-то он не шибко смахивает на человека, который пришел возвращать долг...» – подумал Рахман.

– Ну, раз пришел, значит, нужно. Пей чай, остынет, потом потолкуем о деле, успеется, – сухо произнес Рахман.

– Чего откладывать, скажу, как есть. Дай Бог здоровья хорошим и верным друзьям, всегда придут на выручку. Мне предложили одно прибыльное дело, даже особых усилий прикладывать не придется. А какие выгоды оно сулит... ммм...

Рахман опешил, но, будучи человеком совестливым, подумал, что Агаяр все же вернет долг, иначе зачем ему говорить о заработках. Однако последняя фраза родственника развеяла его надежды, обнажив бессовестную личину Агаяра. Он даже не сразу поверил своим ушам.

– Да-а-а, вот так вот. Теперь дело за малым. Нужно всего-навсего пять тысяч манатов... За мной, как говорится, должок, но ты же знаешь, уговор есть уговор.

Рахман обомлел, не веря своим ушам, до того вопиющей была наглость Агаяра.

– Здравствуйте, дядя Агаяр, – сказала Санубар, ставя поднос на стол.

– Здравствуй, дочка.

Санубар подала чай. Рахман потянулся за сигаретами, чиркнул спичкой и прикурил. Санубар вышла из комнаты и заторопилась на кухню.

– Послушай, он не собирается возвращать деньги, а пришел просить в долг! О тех, что он одолжил четыре года назад, даже речи нет! – сокрушенно сказала Санубар раскладывая еду по тарелкам Шахназ.

– Как, опять в долг? А что же отец?

– Ничего. Молчит. Разве ты не знаешь, отец – мягкий, добродушный человек. Будь я на его месте, давно осадил бы этого наглеца...

Бесцеремонность Агаяра глубоко возмутила Рахмана. Сдерживая нахлынувшие эмоции, он курил одну сигарету за другой. «Ну и хам!» – восклицал в сердцах Рахман. В комнате повисла гробовая тишина. Рахман закашлялся от табачного дыма, но все же, собравшись с силами и мыслями, выдавил:

– Агаяр, давай я расскажу тебе одну историю. Это сущая правда, а не вымысел. Историю эту еще мой покойный отец рассказывал.

– Пусть земля ему будет пухом! – заискивающе произнес Агаяр.

Выпустив облако табачного дыма, Рахман сказал:

– Да упокоит Всевышний души усопших, – неторопливо начал он. – Мой покойный отец рассказывал, что в стародавние времена жил некий человек, славившийся щедростью и милосердием. Никому не отказывал он в помощи, никто не возвращался от него с пустыми руками. В трудную минуту все могли полагаться на него. Как-то к нему обратился один странник и попросил денег взаймы, пообещав вернуть долг за два месяца.

«Там, в нише, стоит сундук, открой, возьми, сколько надо», – спокойно произнес он. Когда мужчина принес взятые взаймы деньги, он таким же ровным тоном велел ему положить эти деньги обратно. Спустя некоторое время тот самый странник пожаловал вновь и опять за деньгами. Мужчина опять указал ему на сундук. И опять когда должник вернул деньги, он, даже не пересчитав, велел положить их обратно. Так происходило неоднократно. Но вот однажды должник решил воспользоваться добротой и доверием этого человека, поскольку тот никогда не пересчитывал денег.

Как-то он взял деньги из сундука, но не вернул их обратно. Минули дни, недели, и странник пожаловал вновь. Мужчина опять указал ему на сундук. Должник отпер сундук и, к своему удивлению, обнаружил его пустым. «Так ведь здесь ничего нет», – развел он руками. Тогда мужчина привычным для себя спокойным тоном, оглядев должника с ног до головы, ответил: «Откуда же там взяться деньгам, разве ты положил обратно те, что брал займы?!»

Агаяр заерзал на стуле. Он стал бледным, как полотно, без кровинки в лице. В комнате повисла свинцовая тишина. Рахман отпил чаю и тут же задымил сигаретой. От негодования лицо его сделалось серее тучи. До чего же хотелось ему выпроводить наглеца-Агаяра, но накануне свадьбы дочери он решил не портить ни с кем отношения. Пересилив нахлынувшие эмоции, Рахман произнес спокойно и рассудительно:

– Ты и сам знаешь, что я не из тех, кто отказывает в помощи. Но на последние гроши я купил приданое дочери. Так что извини, как-нибудь в другой раз...

Агаяр вскочил с места. Не проронив ни звука, он ушел восвояси, даже не прощавшись. «И как таких земля держит?! Хотя кто знает, что еще нам доведется увидеть...», – шептал себе под нос Рахман, глядя вослед Агаяру.

– Амрах, сынок, собирайся, пойдём к твоему хваленому парикмахеру!

Рахман искал повод куда-то пойти, лишь бы остудить свой гнев и развеять тягостное впечатление от неприятного разговора с Агаяром.

* * *

В парикмахерской было многолюдно. Видимо, клиенты торопились успеть до конца рабочего дня. Рахман вошел и поздоровался. «Салам алейкум, аксакал», – слышалось в ответ. Пожилому Рахману тут же уступили место на старом засаленном диванчике у стены. Рахман присел и огляделся. Ножницы мастеров без умолку трещали в удивительном созвучии с их языками. Видимо, тишина казалась им чем-то предосудительным, поскольку они не унимались, наперебой болтая обо всем на свете.

– Ты смотрел телевизор вечером? – сказал один из мастеров, подкидывая очередную тему для дискуссий.

Его коллега тут же отложил ножницы в сторону.

– Что передавали, Ильяс, рассказывай! Не иначе, как армяне опять в наших стреляли?

– Эти выродки, пропади они пропадом, каждый день стреляют в наших. Нет, я не об этом...

Очевидно, рассказчику хотелось оказаться в центре внимания и, надо признаться, ему это удалось. Все взгляды сидящих в салоне были обращены на парикмахера по имени Ильяс. В мгновение ока парикмахерская превратилась в арену политических дебатов. Пожилой мастер тяжело вздохнул.

– Не зря говорят, и комар лошадь свалит, если волк пособит. Но недолго час, лошадь околеет, да и волк вечно помогать не станет. Всё вернется сторицей. Все ведь под Богом ходим... Возмездие обязательно наступит. Око за око... Всю жизнь сидели эти выродки, поджав уши, как трусливые зайцы, и хлопая глазами, а тут вдруг возомнили себя властелинами мира. Да не будь у них подмоги, разве осмелились бы они взяться за оружие?!

Слова парикмахера тут же подхватил один из посетителей:

– Эти армяне испокон были предателями. Разве не их Сахл Смбат сдал Бабека? Или тогда тоже были русские?!

В парикмахерской повисла тишина. Сидевший в кресле мужчина отодвинул руку парикмахера и, обернувшись, произнес:

– Армяне больны на голову. Я читал об этом. Эта убогая нация поражена недугом, причем этот недуг присущ только им и никому другому.

Многозначительно промолчав, он продолжил:

– Эту болезнь признала уже и Всемирная организация здравоохранения. Армяне неоднократно подавали в суд, требуя исключить эту болезнь из общего перечня.

– Ну не томи уже, говори, что это за напасть такая! – воскликнули остальные.

– Армянская мания величия. Эти варвары живут мечтой о «Великой Армении от моря и до моря». Раз в сто лет в них просыпается жажда крови. Обагрив руки в крови, успокаиваются они еще на сто лет, и так каждый раз...

– И болезнь у них гнусная, под стать им самим. Будь они прокляты! Кара небесная непременно обрушится на их головы! – воскликнул пожилой парикмахер.

«Непременно», – пробурчал Рахман, вторя словам парикмахера.

Вспомнив о происках армян и их вероломстве, Рахман, многие годы поневоле живший с ними бок о бок, тяжело покачал головой.

– Они еще не на такое способны! Кому, как не мне знать об их подлости. Столько лет они ютились рядом с нами, прикидываясь сирыми и несчастными. Был среди них армянин по имени Месроп. Так вот он любит повторять: «Рахман джан, ара, мы не просто соседи. Мы такие близкие, что даже смерти нас не разлучить...» И что в итоге?! Продажные шкуры... Даже враждовать как мужики не сумели. Предатели и трусы...

Рахман затих. Воспоминания унесли его в не столь далекое прошлое.

* * *

...Печальные вести, приходившие в ту пору из областного центра, день ото дня все больше омрачали настроение Рахмана. Он вконец лишился покоя, не спал по ночам и всё думал о том, что ждет впереди. Будущность представлялась отнюдь не радужной. Армяне посягнули на Карабах, вероломно преступив дружбу и добрососедство с азербайджанцами. «Что это за дела такие? Как такое могло произойти? Уму непостижимо!» Рахман блуждал среди вопросов, не имеющих ответов. «Мы же больше века живем бок о бок, как быстро армяне растоптали хлеб и соль, добрососедство. Почему вдруг ополчились на нас?» Рахман решил направиться к своему соседу Месропу, до сего времени уверявшего, что даже смерть не разлучит их. К своему удивлению, Рахман с порога ощутил отчужденность и холодность. Им со старым приятелем Месропом словно не о чем стало говорить, остыл и чай, поданный к столу. Нависшая в комнате тишина и молчание были красноречивее всяких слов. А ведь раньше, в былые времена, Месроп встречал его с распростертыми объятиями, и они говорили без умолку часами, а тутовка еще больше развязывала им языки. Подвыпив, Месроп лобызал его, уверял в дружбе и братстве. Так оно и было много лет. «Рахман джан, ара, никогда не забуду, всю жизнь помнить буду... Мама умерла, ара, наши еще не подросли, а ваши уже оплакивали ее, как родную. Так они плакали и причитали... А родная дочь даже слезинки не пролила...» Всплакнув, Месроп притягивал к себе Рахмана и целовал его в обе щеки...

Так что же случилось? Куда все это делось в миг, отчего позабылось? О причинах, очевидно, знали одни только армяне...

* * *

Спустя некоторое время дискуссия перешла в совершенно иное русло. Пресытившись политикой, парикмахеры и их клиенты приняли обсуждать бытовые вопросы. Мастер по имени Саттар, обратившись к своему пожилому коллеге, заявил:

– Странное нынче время. Родителям больше не приходится ломать голову над сватовством, молодые сами все решают. Женятся, расходятся у всех на глазах, предлагают руку и сердце на передачах. Ей-богу, куда ни ткни – передачи о женитьбе. Или же о поисках потерявшейся когда-то родни...

Ильяс от души рассмеялся.

– Да, не говори. Дожили, называется. Забыв о приличиях, парни и девушки прилюдно говорят о любви... «Выходи за меня...», – твердят пацаны своим избранницам, и всё на глазах к людям. Стыд и срам, ей-богу.

Саттар прервал его на полуслове.

– Какая там женитьба?! Скажешь тоже. Торговля идет в открытую, а ты говоришь – женитьба. В тот день ко мне стричься пришел один, оказался журналистом, так он говорит, мол, готовится передача о похищении невесты, все будет происходить на глазах у зрителей. Вот такие дела...

Заметив изумленные взгляды окружающих, он, хлопнув себя по щеке, заверил: «Ей-богу! Провались я на этом месте, если вру...» И тут же сменил головку бритвенной машинки.

Мастер по имени Ильяс многозначительно вздохнул.

– Что тут сказать. Пусть сами решают. Бог им в помощь. Да и всем нам.

– Разве так можно? – поинтересовался Саттар у клиента, зашумев машинкой у его уха.

– Даже не знаю, что и сказать, – не моргнув глазом, ответил сидевший в кресле мужчина.

Рахман порядком устал ото всей этой дребедени и пустой болтовни. К счастью, Амрах вскоре указал ему на освободившееся рядом кресло. Рахман опустился в кресло. Мастер средних лет с застывшей на лице грустной улыбкой, ни на минуту не выпуская из рук бритвенную машинку и все это время остававшийся в стороне от жарких дискуссий, безмолвно занялся очередным клиентом. Аккуратно обвязав шею Рахмана кипельно-белым полотенцем, он взялся за дело, пустив в ход расческу и ножницы.

* * *

Вечерело. Рахман и Амрах шли по опустевшей, безмолвной улице к дому.

– Знаешь, отец, говорят, что мастер, который стриг тебя сегодня, потерял дар речи после контузии. Он – ветеран войны. Очень приличный, воспитанный человек. Подсядут к нему – стрижет, нет – молча стоит в сторонке. Сам он никогда не зазывает клиентов, – наконец нарушил молчание Амрах.

– Отныне всегда буду стричься у него. Пусть приумножится его заработок! – сказал глубоко тронутый рассказом сына Рахман.

Парикмахерская находилась в нескольких метрах от дома, но отчего-то дорога показалась Рахману изнуряюще долгой. Слово путь, по которому шли они с сыном, непостижимым образом удлинилось.

Дочки встретили Рахмана с улыбками на лицах.

– После вашего ухода явился дядя Агаяр, – радостно объявила Шахназ.

Рахман удивленно поднял брови.

– Чего он опять хотел? – гневно буркнул он.

– Деньги принес...

– Деньги? – Рахман растерянно глядел на дочек, не веря своим ушам.

– Да. Представляешь, дядя Агаяр вернул долг! – сияя от радости, заверещали Шахназ и Санубар.

– Он сказал, что давно приберег их, – добавила Шахназ. – Дядя Агаяр просил извиниться перед тобой – шутка ли, столько лет прошло... Говорит, пусть не судит строго, так уж вышло. Мы предложили ему дождаться тебя, настаивали даже, а он ни в какую, тороплюсь, говорит.

«Интересно, откуда Агаяр достал второпях эти деньги?» – удивлялся в душе Рахман, а потом вдруг ухмыльнулся. «Молодец! Значит, не растерял еще остатков совести, осталось малость», – подумал Рахман.

Он уселся на диван и включил телевизор. Шла музыкальная передача. Сердце Рахмана колыхалось от радости, но радость оказалась недолгой. Вдруг лицо его заволокло серыми тучами. Непонятное беспокойство вихрем ворвалось в его душу. Впив взгляд в экран телевизора, он сидел мрачный и хмурый, как вдруг зазвучала его любимая песня. Раскатистые переливы мелодии разогнали печаль на сердце.

*Пришла беда – разлук пора,
И пар сердец унять пора,
Не плачь, молодка, до утра
Всё перемелется, поверь...*

«Все перемелется, поверь...» – вторил в душе Рахман, находя в этих словах успокоение.

* * *

... Перед районным военным комиссариатом остановился грузовик с восьмиконечными звездами на обоих бортах кузова. То было предвестником беды. И комиссар не ошибся. В кузове лежал гроб, будто саваном, укрытый национальным флагом. Комиссар стоял у окна и с поникшей головой выслушивал печальные известия с фронта. Он знал в округе всех поименно, поэтому, едва услышав фамилию покойного, помрачнел. Районный центр был местечком немногочисленным, здесь все, можно сказать, знали друг друга в лицо. Всегда хладнокровный и сдержанный, комиссар, уже свыкшийся с тягостной долей вестника смерти, в этот раз при упоминании фамилии убитого не смог скрыть эмоций. Он-то знал, что завтра в семье, куда ему предстояло понести печальные известия, ожидалось свадебное торжество. Комиссар обернулся и замер, слушая командира и фронтовых товарищей покойного.

– Как же я скажу об этом несчастному отцу? Как принесу ему печальные вести в такой день?! Понимаете, завтра он выдает дочь замуж. Свадьба облачится в траур...

– Нет в том нашей вины, товарищ комиссар. Будь проклят враг, пропади он пропадом! – воскликнул офицер – фронтовой товарищ покойного. – Помяните мое слово, недолог тот час, когда враг навеки облачится в черное...

Солдаты с гордостью взглянули на отважного офицера, словно читавшего в их сердцах. Повисла свинцовая тишина. Комиссар и командир напряженно думали над тем, как отсрочить печальные вести.

После долгого молчания комиссар, повывавший на своем веку многое, заговорил спокойным голосом:

– Мы лучше переждем. Все равно уж ничего не изменить – погибшего не воротишь. Но сказать несчастному отцу о смерти сына накануне свадьбы дочери – это каким же каменным и черствым должно быть сердце! Как повернется язык сказать такое?..

– Да, вы правы. Лучше переждать. Пусть хотя бы справят свадьбу, как полагаются, – произнес командир поникшим голосом.

– Договорились, так и сделаем. Пусть справят свадьбу, а на следующий день мы расскажем обо всем отцу. Я поговорю с главврачом, пусть денек подержат тело покойного в морге. Поручу, чтоб никто не проболтался о случившемся. Вас я обустрою на день в гостинице.

Голос комиссара дрогнул, ком подкатил к его горлу, на глаза навернулись слезы.

– Несчастный отец... Знал бы он, какие вести ждут его...

Помолчав с минуту, комиссар продолжил:

– Я пошлю к отцу покойного своего сотрудника, все-таки надо позвать его, как-то подготовить, мало ли... Переговорю с ним наедине...

Сумерки уже давно опустились. Рахман дремал в постели, как вдруг ночную тишь разбередил осторожный стук. Кто-то тихо, стараясь не разбудить всю округу, постучался в калитку Рахмана. Он тут же вскочил с постели и прислушался. Стук повторился. «Господи, кого несет в полночный час?! Боже, что случилось?!». Ноги Рахмана подкашивались. Кое-как одевшись, он поспешил к воротам. «Сынок, сынок, сыночек мой... Неужто пуля, предназначенная мне, угодила в тебя?! Боже мой, господи... Нет, только не это, отсохни мой язык», – твердил себе Рахман, отворяя трясущимися от волнения руками калитку. Сердце его бешено колотилось и, казалось, вот-вот вырвется из груди.

– Есть кто дома?!

Рахман дрожащей рукой потянулся к засову. Еле продрав глаза спросонья, он разглядел в полумраке УАЗик военного комиссариата и знакомое лицо офицера. Сердце Рахмана ёкнуло. Решив, что догадки его подтвердились, он пошатнулся и наверняка рухнул бы на землю без чувств, если бы сотрудник военкомата не подхватил его под руки.

– Что случилось, сынок, умоляю, говори, не тая. Что принесло тебя в столь поздний час. Есть вести от Шахина, да?

Рахман от волнения еле ворочал языком. Губы его дрожали.

Сотрудник комиссариата, пытаясь приободрить несчастного старика, произнес:

– Возьми себя в руки, отец! Чего ты скис. Ничего не случилось. Я пришел по поручению начальства. Комиссар велел доставить тебя. У него к тебе дело...

– Какое дело может быть среди ночи, сынок? – заволновался Рахман.

– Он был очень занят весь день, потому и не успел встретиться с тобой, а сейчас вот освободился. Что тут странного?

– Сынок, сынок, по глазам вижу, ты от меня что-то скрываешь. Прошу тебя, молю, сынок, говори, как есть...

– Что сказать, дядя Рахман?! Комиссар хочет вас видеть, вот и прислал меня. Только и всего. Может, поедем уже? Теряем время...

– Хорошо, сынок. Будь по-твоему. Погоди, я только накину что-нибудь.

Бурча молитву под нос, Рахман вернулся в дом, надел плащ и поспешил к машине.

Военный комиссариат находился за поворотом, в конце улицы, где жил Рахман. От его дома до комиссариата было метров пятьсот, но сегодня дорога казалась ему мучительно долгой. Вся жизнь пронеслась перед глазами Рахмана. «До чего долог путь! Боже, спаси и сохрани», – причитал Рахман, отгоняя мрачные мысли. Отец солдата надеялся распознать причину столь позднего приглашения, взглянув в глаза комиссару. Но, к его удивлению, комиссар был само спокойствие.

– Ради Бога извините, что побеспокоили вас в столь поздний час. Знаю, вы готовитесь к свадьбе. Поздравляю! Счастья молодым! Дай Бог, и сыновей женишь... – комиссар выдавил из себя улыбку.

... «Дай Бог, женишь сыновей... Сыновей...». Рахман прокручивал в голове эту фразу. «Сыновей... Сыновей...» – твердил он, как заговоренный. Ему хотелось подскочить к комиссару, обнять его, как родного, а потом разрыдаться. Он едва сдерживал себя и всё нашептывал: «Хвала тебе, Господи. Спасибо... Сыновей...Значит, все-таки сыновей...»

Вдруг комиссар изменился в лице и отчего-то перешел на еле слышное бормотание.

– Послушай, я позвал тебя в такое время неспроста. Подумал, лучше сам скажу тебе, а то мало ли... Значит, мы получили телефонограмму. На передовой была перестрелка. Армяне опять перешли в наступление, но, получив достойный ответ, отступили. Некоторые наши солдаты получили ранения, и среди них Шахин...

В глазах Рахмана потемнело, он попытался подняться, но тут же сполз на стул. Голова шла кругом.

– Рахман, дорогой, он жив, жив, понимаешь. Твой сын в госпитале, на лечении, не переживай, чего ты... – Рахман пристально глядел на комиссара и в этом взгляде читались сотни вопросов. – Послушай... Завтра свадьба твоей дочери, такое событие. Вот я и подумал, дай позову Рахмана, мало ли, что люди наболтают. Лучше скажу, как есть. Теперь ты все знаешь. А то услышал бы не бог весть что, отменил бы свадьбу в замешательстве. Не волнуйся, мы часто звоним в госпиталь. Потом как-нибудь сам навестишь сына. Ты давай это, не раскисай, соберись, возьми себя в руки, в конце концов. Знаю, нелегко, но ты битый мужик, справишься. Домашним пока не сообщай, особенно молодым, мало ли, что надумают. Пусть ничто не омрачает свадебное торжество. Думаю, Шахин тоже не захотел бы этого.

* * *

На следующий день у дома старого Рахмана выстроился свадебный кортеж. Машины с красными ленточками заполонили двор. Возглавлял торжественное шествие автомобиль молодоженов. Под звуки «Вагзалы» Шахназ в подвенечном платье вышла из дома под руку с женихом. Рахман крепко пожал руку зятю, поцеловал дочь, дал свое благословение. В белоснежном платье Шахназ походила на величавую лебедь. Опустив голову, Рахман тихонько заплакал. Слезы предательски катились из глаз. Шахназ тоже всплакнула. Она хотела обнять отца, смахнуть слезы с глаз его, но он отпрянул. В этот момент к Рахману подошла миловидная женщина примерно его возраста и, протянув охапку конфет, радостно воскликнула:

– Вот и породнились! Возьмите эти сладости, пусть жизнь молодых будет такой же сладкой. Дай Бог, погуляем на свадьбе ваших сыновей!

Все желали молодым счастья, напутствовали их. Под звуки свадебного «Вагзалы» молодые и гости расселись по машинам. Кортеж тронулся под протяжный гул сигналов, возвещавших о свадебном торжестве. Глядя вслед уносящимся вдаль машинам, Рахман тяжело вздохнул.

* * *

Спустя некоторое время на дороге, ведущей к дому старого Рахмана, показались два автомобиля. Они ехали неспешно, словно пытаясь отсрочить печальные вести. В одной из машин Рахман признал вчерашний УАЗик военного комиссариата. За ним следовал грузовик. Никто и представить себе не мог, к чему всё это. В кузове грузовика лежал гроб, завернутый в национальный флаг.

Рахман издали заметил машины, но пока они не подъехали к калитке, в душе его еще теплилась надежда. Но вскоре она угасла...

Защемило сердце старого Рахмана. Догадался он, в чем дело, и еле сдержался, чтобы ни броситься под колеса.

Первым притормозил автомобиль комиссара, а следом за ним и грузовик. Из кабины выскочила женщина средних лет, судя по выправке – офицер. Комиссар протянул Рахману руку в знак приветствия и тут же отвел глаза, не проронив ни звука. Женщина-офицер решила сразу сказать всё, как есть, поскольку ожидание усиливало волнение отца солдата. И, словно сбросив тяжелую ношу, выпалила, едва сдерживая слезы:

– Крепись, отец, твой сын пал шехидом. Мужайся! – голос ее дрогнул. – Твой сын, рядовой Шахин и молодой офицер вчера ночью погибли в боях за Родину. Поверь, я знаю, что такое боль утраты – мой единственный сын, лейтенант Сардар, пал шехидом. Главное, чтобы Родина жила! Храни Бог нашу землю!

Нависла леденящая тишина. Кровь стыла в жилах.

Пожилой Рахман смотрел на офицера немигающим взглядом.

«Берегите мать-Отчизну, берегите! Сыновья-игиды вновь придут на этот свет, только матери-земле не возродиться!» – вспомнил Рахман слова, которые читал или слышал когда-то. Слова матери шехида и возникшие в памяти строки придали сил и стойкости несчастному отцу. Собрав волю в кулак, поднял он голову и, печально взглянув на грузовик, произнес:

– Где мой сынок? Когда это случилось? Я же только вернулся от него...

Горе Рахмана разбередило былые раны женщины-офицера. Два ручейка слез потекли по щекам ее.

– Рахман киши, наш офицер поведала тебе лишь часть истории своей жизни. Эта на редкость мужественная и стойкая женщина потеряла на войне мужа и единственного сына. Ее сила духа и отвага – пример всем нам. Когда пришла весть о смерти мужа, она записалась в армию добровольцем. ... Мужайся, отец, крепись! Твой сын Шахин пал героем, защищая родную землю. Мы верим, что ты стойко перенесешь эту утрату и будешь гордиться сыном-героем. Хвала матери-земле, взрастившей таких сыновей!

Мысли Рахмана несли его далеко прочь отсюда.

– Будь неладна эта Седая скала, сынок! Угодила в тебя вражеская пуля, угодила. Почему я не умер там, среди снегов, почему эта проклятая пуля попала в тебя, а не в меня?! Ай, сынок, сынок! Как пережить мне это горе, Шахин! – причитал несчастный Рахман киши.

Забыв о чине, женщина-офицер оплакивала погибших азербайджанских бойцов, среди которых были ее муж и сын.

– Да буду я жертвой тебе, братец! Крепись, молю тебя, мужайся. А что мне тогда делать – осталась одна-одинешенька, муж погиб, а сын скончался у меня на руках. Неизбежно твое горе, но надо держаться...

Вдруг одна из женщин, рыдая, произнесла баяты:

*Боли я не утаю,
Боли я не утолю.
Выйду прямо на дорогу,
Боль с прохожим поделю.*

Обхватив гроб руками, точно обняв сына в последний раз, Рахман нашептывал:

– Как же ты подоспел к свадьбе сестры, Шахин! Или, может, на выручку пришел? Пропади пропадом эта скала, с которой вероломный враг пустил тебе пулю в грудь! Как же так? Как же так, сынок?! Ты ведь...

И рухнул без чувств на полуслове.

* * *

Рахман сидел у озера и, задумчиво глядя вдаль, бросал камешки в воду. Стоявший поодаль Амрах подошел к отцу и дрожащим голосом произнес:

– Поднимайся, отец, пойдем. Нас ждут. Не сиди здесь, простынешь...

Рахман поднялся. Выстроившиеся в ряд у кладбища машины отчего-то показались ему свадебным кортежем.

– Возьми, сынок. Это свадебные сладости Шахина, – сказал убитый горем отец, протянув Амраху камешки на ладони.

* * *

...Послышался лязг ключей. Предраассветную тишину пронзил крик новорожденного. Родился мальчик – защитник Родины своей...